

**ДЖИЛЛИАН МАККЕЙН
ЛЕГС МАКНИЛ**

ДЖИЛЛИАН МАККЕЙН
ЛЕГС МАКНИЛ

ДОРОГОЙ НИКТО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

Серия «Настоящая сенсация!»

Gillian McCain

Legs McNeil

DEAR NOBODY
THE TRUE DIARY OF MARY ROSE

Перевод с английского *О.А. Мышаковой*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения авторов и литературных агентств
William Morris Endeavor Entertainment, LLC и Andrew Nurnberg.

Маккейн, Джиллиан.

М15 Дорогой Никто. Настоящий дневник Мэри Роуз / Джиллиан Маккейн, Легс Макнил ; [пер. с англ. О.А. Мышаковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 224 с. — (Настоящая сенсация!).

ISBN 978-5-17-092163-8

Пожалуй, школьные годы считаются одними из лучших в нашей жизни. Но для Мэри Роуз, пятнадцатилетнего подростка, это не так. Одиночество, равнодушие взрослых, насмешки одноклассников, попытки скрыть ото всех свою болезнь — такова реальность для Мэри.

А ведь больше всего на свете ей хочется быть любимой и иметь друзей. И она действительно готова пойти на все ради своей мечты. Даже если ей это будет стоить жизни.

Эта книга — не вымысел. Эта книга — откровение. Эта книга — настоящий дневник Мэри Роуз.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Gillian McCain and Legs McNeil, 2013

© Перевод. О.А. Мышакова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-092163-8

Предисловие

Что, если фраза «с возрастом пройдет» к вам неприложима? Как бы вы предпочли прожить подростковый период, зная, что каждый день может оказаться последним?

Эти дневники Мэри Роуз вела с пятнадцати до семнадцати лет, откровенно записывая все — от влюбленности до борьбы с зависимостью и попыток разобраться, как оставить свой след в мире. Стилль изложения сильный — и неприглаженный, саднящий. Мэри Роуз пишет порой жестко, порой забавно и чаще всего удивительно глубоко.

В середине девяностых Интернет уже существовал, но доступен был не всем. Старшеклассники писали обычные письма, обменивались бумажными записками и звонили друзьям по домашнему телефону. Родители не могли контролировать своих отпрысков через социальные сети. Если девчужке случалось идти ночью под дождем по пустому шоссе, у нее не было мобильного, чтобы позвонить домой и попросить за ней подъехать.

А главное, подростки не описывали свою жизнь в ста сорока символах. Они живописали со-

бытия в толстых блокнотах или длинных письмах друзьям, которые клали в конверты, наклеивали марки и опускали в почтовый ящик. Фотографии приходилось проявлять в мини-маркете, а чтобы сосчитать друзей, хватало пальцев на руках. Существовала еще реалья, называемая личным пространством: что-то удавалось сохранить в секрете. У мыслей имелось место для развития. У подростков было время размышлять. Они умели красочно описывать, какой была вода, когда ночью они купались обнаженными — им и в голову не приходило беспокоиться, что на следующий день их фотографии в голом виде появятся в Фейсбуке.

Но переживания и проблемы Мэри Роуз не отличались от тех, с которыми подростки сталкиваются и сегодня: одиночество, неуверенность, депрессия, эмоциональное, физическое и сексуальное насилие, наркотики и алкоголь, травля в школе, ссоры, расставания, развод родителей.

Каждое слово этой примечательной исповеди — правда, хотя все имена, кроме имени автора, изменены из соображений приватности. Одна из подруг Мэри Роуз в ответ на вопрос: «Что из недавно прочитанного понравилось вам больше всего?» показала нам ее дневники. Дневники поразили наше воображение. Наша книга — лишь небольшая выборка из шестисотстраничного труда девочки-подростка, но мы не изменили ни слова.

Добро пожаловать в удивительный мир Мэри Роуз. Надеемся, ее история окажется для вас столь же незабываемой, как и для нас.

Джиллиан Маккейн

РЕДИНГ, ПЕНСИЛЬВАНИЯ

КОНЕЦ ОСЕНИ 1996 г.

Дорогой Никто!

Сегодня меня арестовали. Неохота признаваться, но со мной такое бывает.

У меня в руке была литровая пивная бутылка и вторая в школьном рюкзаке, плюс от меня пахло пивом. Я шла с двумя друзьями, и тут этот коп подкатывает и спрашивает:

— Что-нибудь случилось?

Отвечаем — ничего, но коп указывает на меня:

— А почему у нее такой грустный вид?

Я начала плести — типа рассталась с парнем, но коп уже заметил бутылку, которую я прятала под курткой.

Меня арестовали, но приятелей не тронули, потому что при них алкоголя не было. Из отдела-

ния полиции меня забрала мать, и по дороге домой мы посра... поссорились — я ей припомнила, как три года назад у нее нашли в машине анашу, причем до фига.

Ну, в результате я хлопнула дверцей и потащила свою пьяную задницу домой пешком, но оказалось, шла не туда. Я не могла дойти от Рединга до Потстауна, там больше двадцати миль. Черт, я бы так и топала, если бы не увидела знакомый молл и не опупела — типа а теперь что? Я развернулась и вошла в закрывавшийся магазин — шел уже одиннадцатый час. Вообще я шагала с рекордной скоростью. Повезло, что я сейчас в хорошей форме — фиг бы мне так ускориться во время обострения.

Словом, у меня было время все хорошенько обдумать.

В Рединге я нарочно попалась на глаза патрульным в машине, потому что уже шел мой личный комендантский час, и я надеялась — родная полиция подбросит до дома. У меня было предчувствие, что штрафовать меня не станут. После всего дерьма, что со мной случилось, — да ни за что.

Коп проводил меня до крыльца и поговорил со мной и матерью. Сказал, хочет, чтобы я выросла счастливая и здоровая и когда-нибудь познакомила его с моими детьми, и дожила до старости.

Во-первых, детей у меня не будет.

Во-вторых, состариться мне не суждено.

Трудно состариться, когда ты мертва.

Дорогой Никто!

Сегодня приятель моей матери, Джо, угрожал моей жизни: сказал, что перережет мне глотку, свернет шею и охотно отсидит — дескать, оно того стоит. Мать попыталась меня защитить, но он пригрозил утопить ее в реке, и она замолчала (пловчиха из нее НИКАКАЯ).

Джо с пеной у рта сыпал угрозами и гнобил нас худшим способом, который знал: обозвал меня полудохлой засранкой. Увидев, что он разошелся, мать побежала выносить из дома анашу, чтобы можно было вызвать полицию. Я сказала Джо, что не боюсь его и «вообще, пошел на фиг из нашего дома!». Он взбеленился — чем меня-то напугать? Видимо, ощутил собственное бессилие. Джо попытался меня поймать, но мать встала между нами и велела ему оставить меня в покое. Он схватил ее за руку — ту самую, которую с хрустом сломал при мне отчим Даррелл, когда мне было восемь лет, — и дернул к себе. Он тяжело дышал, бешеные глаза налились кровью. Моя беззащитная и до отвращения слабая мать с привычным страхом на лице кротко защищалась, пытаясь его оттолкнуть. Во мне ничто не взорвалось, глаза не заволокло красной пеленой — я осталась спокойной и невозмутимой (КОМУ-ТО же надо было).

Я отказываюсь жить в обстановке злобы и страха. Глядя в упор в сумасшедшие глаза, в которых клочкотала ярость, — так на Джо наверняка не смотрела ни одна женщина, тем более девчонка-подросток, — я четко произнесла:

— Убери руки от моей матери. Никто ее так хватать не будет. Никто не будет бить мою мать, тем более ты, подонок, поднимающий руку на женщину! Снова в тюрягу захотел?

(Джо отбывал срок за нанесение побоев и похищение, помимо всего прочего.)

На минуту он остолбенел, совсем как Даррелл (я сказала ему практически то же самое). Но шок у Джо долго не продлился: в новом приступе ярости он швырнул мою мать о дверь, на которой было закреплено большое зеркало. Она упала, схватившись за ушибленную руку. Джо заорал еще громче, но я не боялась — даже пульс не участился и пот не выступил.

Он взревел:

— ТАК, НУ ВСЕ, СУЧКИ, ВЫ ДОВЫПЕНДРИВАЛИСЬ, ЩА ВАМ МАЛО НЕ ПОКАЖЕТСЯ! СОСЕДИ ПОЛИЦИЮ НЕ ВЫЗОВУТ — НИКТО ВАС, МОКРОЩЕЛОК, НЕ УСЛЫШИТ!

Он пошел на меня, отшвыривая с дороги мебель. Я забралась с кровати на подоконник и изо всех сил заорала в форточку:

— ВЫЗОВИТЕ ПОЛИЦИЮ! ПОМОГИТЕ! НА ПОМОЩЬ! ПОМОГИТЕ МОЕЙ МАМЕ!

Он схватил меня и крикнул:

— Ты что творишь, сучка?!

Он бросил меня на кровать и вывернул правую руку. Мать прыгнула на Джо, он ее сбросил, но я успела вырваться. Мать схватила пакет с анашой, и мы выбежали из дома (в сотый раз). Я продолжала громко звать на помощь.

Сев в машину, я огляделась. Никто из соседей даже к окнам не подошел — попрятались за тонюсенькими, с отвратительной изоляцией, стенами нашей многоэтажки.

Джо не раз грозился, если мы его бросим, позвонить копам и сказать, что у матери при себе унция травки. Я предложила отдать ганджубас мне, чтобы, если Джо стукнет в полицию, можно было сказать, что это мое. Мать отдала мне пакет; я его скрутила, чтобы поместился в карман. Как всегда, мы поехали к маминой подруге, только на этот раз мать не стала рассказывать, что вытворяет Джо, а просто оставила анашу, и мы уехали.

Мать четыре раза звонила Джо из таксофонов, расстраиваясь все сильнее, потому что он не желал уходить из нашего дома. Сказал, уйдет, если она даст ему семьсот долларов (в прошлый раз просил двести восемьдесят). Глядя, как мать нервно курит у таксофона, я вынула ее чековую книжку и спрятала под сиденье.

Мать. Мама. Мамочка.

Телефонная трубка в одной руке, сигарета в другой — взгляд растерянно блуждает, голос дрожит. Флуоресцентная лампа на потолке таксофонной будки окружала ее голову светящимся ореолом. Мне вспомнилось детство, когда я считала свою мать святой или ангелом, как все малыши, вопреки обстоятельствам. Мне стало грустно — от детских заблуждений давно осталась одна труха, но хандру как рукой сняло, когда я услышала, что она предлагает подвезти Джо. Она сказала, что встретит его и отвезет до дома его родителей!

Выскочив из машины, я заорала как резаная:
— **НЕ ПОВЕЗЕШЬ ТЫ ЕГО НИКУДА! Я НЕ
ОСТАВЛЮ ТЕБЯ ОДНУ С НИМ НА ДВА ЧАСА!**

Джо несколько раз избивал ее в машине и пытался задушить: на лице и шее остались синяки. Когда мать села за руль, я начала кричать и плакать, повторяя, что боюсь ее потерять, ведь больше у меня никого нет, и я этого не вынесу. Я просила, умоляла, унижалась, пресмыкалась, бусhevала, приводила разумные доводы и молилась. Затем выскочила из машины и пошла в другую сторону. Понятия не имею, где мы стояли и куда я шла.

Мать сначала за мной не поехала, но довольно скоро притормозила рядом и велела садиться, если я не хочу идти пешком до самого дома. После десяти минут препирательств я сказала:

— Если я сяду в машину, мы остановимся у первого же таксофона, ты позвонишь в полицию и покажешь копам синяки на руках. Или давай стоять здесь всю ночь, чтобы я хотя бы знала — ты в безопасности.

Мать газанула с места, оставив меня, свою пятнадцатилетнюю дочь, в полночь в незнакомом городке, испуганную и одинокую. Я присела на травянистый холм у перекрестка и заплакала. Потом снова спустилась к дороге ждать: во мне теплилась надежда, что мать разволнуется и вернется за мной.

Она так и не вернулась.

Заметно похолодало, с неба сеял противный дождь, и я стала искать, где спрятаться. У забро-

шенной бензоколонки нашелся туалет со сломанной дверью. Плача, я вошла туда. Когда слезы кончились и остались только всхлипывания, я начала молиться.

Я спросила Бога:

— За что?

Почему это происходит?

За что мне столько боли?

Я помолилась еще — и дождь прекратился. Я пошла по шоссе. Было так темно, что различить дорогу удавалось, только когда мимо проезжали машины — раз в несколько минут. Странные звуки из леса и пустое шоссе напоминали эпизод из фильма ужасов. Мне вспомнились лица пропавших девушек из шестичасовых новостей. Чем себя накручивать, я решила помолиться еще и попросила Бога помочь мне и матери добраться домой невредимыми.

Я шла почти час, периодически ища взглядом мамину машину. Я почти бежала, стараясь не опускать головы. Я устала, но пыталась держаться гордо. Я чувствовала себя скорее воином Господа, чем его дитятей. Я уже столько повидала и переживала, что знала — Бог со мной, он любит меня и помогает, когда бросили все остальные.

Я поглядывала, не проедет ли мимо патрульная машина, зная, что даже если меня задержат за пребывание на улице в ночное время, то хотя бы отвезут домой (за восемьдесят-то долларов) или хоть скажут, в каком направлении идти. Наконец мимо проехал минивэн. За стеклом пассажирского сиденья угадывался козырек мальчишечьей

кепки. Минивэн сбросил скорость и остановился в паре футов. На всякий случай я замедлила шаг, готовая кинуться наутек.

Мальчик в кепке высунул голову из окна:

— Ты Меган?

Я покачала головой. Женщина за рулем спросила, куда я иду. Я ответила, и она любезно предложила меня подвезти, хотя ей надо было совсем в другую сторону. Она отнеслась ко мне очень тепло, как и мальчики моего возраста, сидевшие сзади. Меня спросили, сколько мне лет.

Я ответила — пятнадцать. Один из пацанов спросил, в одиннадцатом ли я классе. Я неловко призналась, что на следующий год пойду в девятый. Врать не хотелось, но я заявила — это потому, что моя семья много переезжала. Женщина, кажется, поняла, пацаны промолчали.

Дома было на редкость уютно без бесчинств Джо. Я съела то, что должно было быть ужином, пока мы не сбежали из дома. По «Эйч-би-о» показывали фильм о маньяке, убивавшем людей в автомобилях, притормаживавших на шоссе. Я не стала смотреть.

Вернулась мать, целая и невредимая, но грустная. Сказала, Джо был «подавлен», когда она отвозила его домой. Как это понимать, не знаю.

Вот так прошла моя среда.

Спокойной ночи.

Дорогой Никто!

Можно подумать, мало нам проблем с Джо: ночью, даже без звонка, появился мой отчим и просил денег.

Даррелл — биологический отец моей сводной сестры Николь и почти что мой отец. Это я раньше так думала.

Таким пьяным и буйным я не видела Даррелла с тех пор, как мать была на пятом месяце беременности, а он швырнул ее на пол ванной. Затем он швырнул туда и меня, а сверху полетели телефон и телефонный справочник. Даррелл сказал — у нас полчаса, чтобы убраться из квартиры и больше не появляться. Помню, мать, лежа на боку, звонила своей подруге Джейн. Она сказала, что у нее вроде сломана рука и идти она вряд ли сможет.

На шее и выше локтей у нее были свежие синяки вперемешку со старыми. Я смотрела на дело рук моего ОТЦА, моего ГЕРОЯ, и меня так трясло, что я даже не могла говорить. Я в жизни никогда так не боялась. В детстве мне всегда хотелось, чтобы у меня был папа. Ох, будьте осторожны с желаниями, вдруг исполнятся... Та ночь закончилась, как многие другие: плачем в подушку в квартире Джейн. Там мы, по крайней мере, были в безопасности.

Родив, мать нянчила мою сестру загипсованной рукой, а ради заработка устроилась в продовольственный магазин. Никогда не забуду, как грустно и ужасно все это было — опять у меня ни